

На правах рукописи

Ахматова Фатима Хасановна

**ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Махачкала – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном научном учреждении «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

Научный руководитель – **Аппоев Алим Каншауович,**
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

Официальные оппоненты: **Ахматова Мариям Ахматовна,**
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»;

Айбатырова Муслимат Абдуллаевна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова»

Ведущая организация – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Защита диссертации состоится 24-го июня 2025 г. в 14:30 на заседании диссертационного совета Д 002.267.XX (24.1.477.01) при ФГБНУ «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» по адресу: 367032, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45, каб. 207.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ДФИЦ РАН по адресу: 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; на сайте ДФИЦ РАН: dncran.ru, а также на сайте ВАК Минобрнауки РФ: vak.minobrnauki.gov.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Х. Алхлавова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень изученности проблемы. На материале карачаево-балкарского языка многозначные слова впервые начал рассматривать А.Ю. Бозиев, обращаясь к таким частям речи, как имя существительное, имя прилагательное и наречие. Им актуализируется тот факт, что в языке значительный функционально-семантический потенциал имеют многие слова, у которых обнаруживаются новые значения, являющиеся переносными. Но автор не смог достичь значимых результатов в плане разграничения имеющихся у лексем прямых и переносных значений. Так, например, такая полисемичная лексема, как *жаши* им интерпретируется как моносемичное слово. Однако у этого слова есть следующие значения: «молодой человек», «парень», «сын». Все они самостоятельны, первичным же следует признать «молодой (человек)».

Многозначностью глагола специально занималась А.З. Малкондуева. Она исследовала многозначные глагольные лексемы, сопряженность их с семантической структурой слова, синонимией и омонимией. У нее новшеством следует признать аргументацию эвфемизации как значимого способа образования переносных значений. Тем не менее, автору не удалось решить наиболее релевантные проблемы многозначности.

В рамках лексикологии полисемию рассматривал И.М. Отаров. Но он ограничился лишь общей характеристикой самой полисемии и ее составляющих. Позже в границах субстантивных лексем многозначность стала предметом изучения в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук С.Р. Биджиевой. Наряду с полисемией она затронула и проблемы лексикографической разработки многозначных имен существительных.

Имеется также положительный опыт исследования полисемии в связи с омонимией, т.е. разграничения подобных языковых явлений, что сделано Ж.М. Гузеевым. Коллективом авторов под его руководством с опорой на опыт предшествующих лингвистов системно рассмотрена семантическая структура многозначных слов, в том числе некоторые вопросы, связанные с метафорой, метонимией и синекдохой.

Несмотря на все это, карачаево-балкарским лингвистам не удалось в полной мере осветить все вопросы, связанные с проблемами полисемии и типов лексических значений слов. К ним можно отнести следующие: отношения, складывающиеся между различными значениями лексем и обозначаемыми ими понятиями; сопоставление семантических составляющих многозначных лексем; морфологическая стратификация значений лексем, характеризующихся окказиональностью; релевантные для понимания семантической структуры лексемы причины и условия, влияющие на возникновение полисемичных слов и др.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что актуализируемая в работе проблема в научно-теоретических исследованиях по карачаево-балкарскому языку не нашла еще должного отражения, в

имеющихся специализированных работах обнаруживается лишь выход на имя существительное и глагол. Лингвистическая же наука осовременилась и требует новаций в плане изучения лексики в целом, в том числе выявление и описание специфики полисемантических слов, относящихся к различным частям речи.

Поскольку в карачаево-балкарском сегменте языковедческой науки отсутствует исчерпывающая верифицированная информация относительно всего спектра лексических значений слов, появляются и проблемы в их лексикографической интерпретации. Они успешно решены в индоевропейском языкознании, но в тюркологии в целом типы значений лексем основательно не изучены. В соответствии с вышесказанным, типология лексических значений слов остается релевантной для тюркской лексикологии, лексикографии и словообразования, чем и обуславливается **актуальность данного диссертационного исследования.**

Объектом исследования являются основные типы значений слов в карачаево-балкарском языке.

Предметом исследования выступает смысловая характеристика типов значений слов и принципы их адекватного размещения в лексикографических изданиях.

Цель данной работы состоит в системном анализе семантической структуры слова в карачаево-балкарском языке.

В соответствии с целью, поставленной в диссертации, намечено решение следующих **задач**:

- 1) критический анализ истории изучения семантической структуры слова в карачаево-балкарском языке;
- 2) обоснование того, что языковыми значениями являются не только лексическое и грамматическое, но и значение словообразовательное и их разграничение;
- 3) дифференциация основных типов лексических значений слов;
- 4) анализ основных способов переноса значений лексем;
- 5) выявление и описание как причин, так и условий, благодаря которым проявляется полисемичность лексем;
- 6) представление тех принципов, которые будут способствовать адекватной репрезентации лексических и грамматических значений слов в словарях.

Гипотеза исследования. Поливекторное исследование основных типов значений слов остается релевантным для лексикологии, словообразования и грамматики тюркских языков, в том числе и для карачаево-балкарского языка, в котором обнаруживается своя специфика в силу некоторых различий в корпусе лексики, характеризующейся широким диапазоном значений, в словообразовательных моделях и в грамматической структуре слов различного частеречного происхождения. Их учет дает возможность адекватной репрезентации словарных лексем в соответствующих лексикографических изданиях.

Методами исследования выступили описательный, сравнительно-исторический, структурно-семантический, а также метод контекстуального анализа. Из общенаучных методов использованы наблюдение, сравнение, анализ и синтез.

Материалом исследования послужила выборка, сделанная из таких лексикографических источников, как «Карачаево-балкарско-русский словарь» (1989), «Толковый словарь карачаево-балкарского языка (в трех томах)» (1996, 2002, 2005). Кроме того, привлечены данные из общих словарей ряда тюркских языков.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных лингвистов, в том числе и тюркологов, по семантической характеристике слова – В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева, А.А. Уфимцевой, И.С. Улукханова, В.Г. Гак, Е.С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяна, Р.С. Манучаряна, Ф.А. Литвина, П.А. Соболева, В.Н. Прохоровой, Ф.П. Фоминой, Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, А.А. Юлдашева, Ф.А. Ганиева, Ж.М. Гузеева, А.Ю. Бозиева, И.М. Отарова, А.Г. Биешева, А.З. Малкондуевой, Ш.В. Кибирова и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней:

- 1) впервые предпринята попытка обобщить и проанализировать тюркологические исследования в области смысловой структуры лексем, опираясь на данные карачаево-балкарского языка;
- 2) проведен комплексный и многоаспектный анализ языковых (лексических) значений;
- 3) впервые в карачаево-балкарском языкознании разработаны и предложены принципы лексикографирования всех типов значений слов.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что оно углубляет проблематику семантического анализа слова, способствуя выявлению и системному описанию языковых, или лексических, значений благодаря контрастивному изучению. Результаты проведенного анализа вносят значительный вклад в изучение лексической семантики тюркских языков.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что основные ее результаты могут быть применимы в лекционных курсах по лексической семантике, в ходе преподавания теоретических основ лексики карачаево-балкарского языка, а также при подготовке учебно-методических изданий, словарей на материале тюркских языков, курсовых и выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Наличие у слов лексических, грамматических и словообразовательных значений универсально как для родственных, так и для разноструктурных языков, однако они в определенной степени отличаются в отдельно взятом языке, в том числе и в карачаево-балкарском языке.
2. В системе карачаево-балкарского языка производным и непроизводным словам присущи не только лексические, но и грамматические

значения, тогда как словообразовательным значением отмечены лишь лексемы-деривативы.

3. Лексические значения слов в карачаево-балкарском языке подвергаются различного рода трансформациям, с одной стороны, в силу внутрисистемных причин, с другой – детерминируются психологическими и культурно-историческими факторами.

4. В карачаево-балкарском языке обнаруживаются изменения лексических значений слов, происходящие благодаря многообразию индивидуальных речевых инноваций, не влияющих на семантическую структуру слова. Вместе с тем у слов появляются и новые значения, предопределяемые их регулярным функционированием, в результате чего образуются омонимы, причиной чего служат расхождения лексических значений слов и утрата семантической связи между ними.

5. В отличие от других тюркских языков в карачаево-балкарском языке эвфемизация и табуирование рассматриваются как автономный способ образования метафорических значений слов.

6. На функционирование полисемии слов в карачаево-балкарском языке влияют не только языковые, но и внеязыковые причины. Полисемия в словах развивается, благодаря как экстралингвистическим факторам, так и факторам внутрилингвистическим.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования получили апробацию на научных конференциях, в том числе в международных, а также нашли отражение в 21 работе, 7 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, подразделяемых на параграфы, заключения, списка использованной литературы и реестра условных сокращений. Основная концепция и содержание работы изложены на 172 стр. (из них 24 стр. – библиография, список словарей и реестр условных сокращений).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цель, задачи и методологическая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту. Введение содержит также сведения о материале, методах исследования и структуре работы.

Первая глава работы «Теоретические основы лингвистической интерпретации значений слов» состоит из трех разделов. В первом из них рассматривается лексическое значение слова, в определении которого нет единства между исследователями. Так, одни из них считают, что лексическое значение слова – это соотношенность его с каким-либо явлением объективной действительности (Виноградов В.В., Смирницкий А.И., Шевченко Л.А. и др.), другие прибавляют сюда и место слова в лексической системе языка, т. е.

различные связи его с другими словами (Шмелев Д.Н., Шанский Н.М., Иванов В.В. и др.). По мнению же третьей группы лингвистов, которое разделяется в данном исследовании, в состав значения слова входят еще эмоционально-экспрессивная оценка, парадигматические и синтагматические отношения (Фомина М.И., Новиков Л.А., Гак В.Г. и др.).

Для определения лексического значения слова важно уточнить его соотношение с понятием, так как анализ зависимости смысловых компонентов слова определяется отношением между значением слова и понятием.

Одни лингвисты отождествляют понятие с лексическим значением слова, другие отрицают их связь. Однако отрицать их связь нельзя, потому что слово непосредственно связано с представлениями о реальной действительности, которые впоследствии становятся основой понятий, называемых при помощи слов. В основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности. Отождествлять их тоже нельзя. Соотношение между ними различно в разных отношениях: значение шире понятия, поскольку включает в себя еще оценочный и ряд других компонентов; оно уже понятия, потому что в научном понятии отражены общие и существенные признаки предметов и явлений, а в значении – только их отличительные, основные признаки.

Коннотативное значение обычно передается различными аффиксами, звукоподражаниями, экспрессивно окрашенными словами. Например, в слове *урлака* «воровка» денотативное значение «вор», а коннотативное значение передается аффиксом *-ка*, имеющим экспрессивную окраску презрения и усиливающим оттенок просторечности. В словах *хамхот* / *гемхот* «морда (человека)», *гая* «харя» – коннотация отрицательной экспрессивно-эмоциональной оценки, которая заложена в самих корнях.

Факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что связь коннотации с денотативным значением имеет определенную закономерность. Например, однокоренные слова в подавляющем большинстве случаев имеют одну коннотацию: *батыр* «богатырь», «храбрец», *батырлык* «храбрость», *батырлан* «храбриться», *батырсын* «возомнить себя храбрым» – коннотация мелиоративной (положительной экспрессивно-эмоциональной) оценки – оттенок уважительности.

Другим видом проявления системных отношений слов является закономерность их сочетания друг с другом, т.е. синтагматические отношения. По сравнению с парадигматическими они больше зависят от контекста, сочетаемости. Например, в зависимости от того, с какими словами вступает в сочетания, слово может выявить свои различные значения: *адамны аягъы* «стопа человека» – часть ноги ниже щиколотки; *столну аягъы* «ножка стола» – опора, стойка (мебели, утвари и т.п.); *джылны аягъы* «конец года» – предел чего-л. во времени и др. Таким образом, компоненты лексического значения слова взаимосвязаны, они по-разному и с различных сторон характеризуют семантическое содержание слова: сигнификативный компонент обобщенно

отражает объективную действительность, денотативный – конкретную соотнесенность слова с предметом, явлением, коннотативный – выражает эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, парадигматический и синтагматический – фиксируют место слова в системе лексики.

Во втором разделе освещены грамматическое значение слова, качественные различия между лексическими и грамматическими значениями слова. В зависимости от того, какие связи и отношения слова отражены в его грамматических значениях, последние подразделяются на синтаксические и несинтаксические.

Синтаксические грамматические значения указывают на связь словоформ в составе словоформ и предложений (например, соединительные, противительные значения союзов, значение числа и падежа у прилагательных) или на связь основ в составе сложных слов (соединительное словообразовательное значение). **Несинтаксические** грамматические значения отражают свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, например, значения количественные, пространственные, временные, орудия или производителя действия.

Основной задачей грамматической квалификации слова в словаре является отражение его принадлежности к той или иной части речи, так как все грамматические характеристики, которые нужно знать читателю, вытекают из этого. Для тюркских языков эта задача является особо важной по следующим обстоятельствам: 1) в них довольно много полифункциональных слов: *иги* (прил. *иги* адам «хороший человек») – *иги окъу* «учить хорошо», *уруш* (глагол. анга *уруш* «ругай его») – *уруш* (сущ. *уруш* тохтады «война закончилась»), *тар* (прил. *тар* джол «узкая дорога») – *тар* (сущ. Чегем *тары* «Чегемское ущелье») и др.; 2) многие грамматические формы слов, лексикализуясь, перешли в другие части речи; ср.: *окъуу* «чтение», «учение» (имя действия) – *окъуу* «учеба» (сущ.), *джарагъан* «пригодившийся» (нар.) – *джарагъан* «замечательный» (прил.), *аямай* «не жалея» (деепр.) – *аямай* «очень сильно, здорово» (нар.); 3) широко распространена синтаксически закреплённая конверсия типа *агъач* (юй) «деревянный (дом)», *алтын* (жюзюк) «золотое (кольцо)» при которой существительное выполняет роль прилагательного в одной единственной синтаксической позиции, оставаясь самим собой во всех остальных случаях своего употребления.

В большинстве грамматик тюркских языков и специальных исследований формы пространственных падежей служебных имен типа *аллы* «перед, передняя часть, сторона» (*аллын* – род. пад., *аллына* – дат. пад., *аллында* – мест. пад., *аллындан* – исх. пад. и т. п.) квалифицируются разными формами послелогов. При этом они опираются на следующие признаки: постпозитивное употребление, неупотребляемость в определенных сочетаниях, выражение различных синтаксических отношений (временных, пространственных, причинных и др.), выполнение послелоговой функции, переводимость на русский язык послелогом. Однако ни один из этих признаков не дает основания считать их собственно послелогом, так как в

отличие от послелогов служебные имена в пространственных падежах имеют номинативное содержание, выступают как полнокровный компонент атрибутивного словосочетания, т. е. как член предложения, ведущим компонентом словосочетания, его смысловым центром: ср. *Юйню ичине кирдик* «мы вошли во внутрь дома»; *юйню ичинде джашайбыз* «мы живем внутри дома»; *юйню ичинден чыкъдыкъ* «мы вышли изнутри дома».

Послелого, как и другие собственно служебные слова, лишены всех указательных признаков. Определенное количество глаголов в тюркских языках в одних случаях выступают в своем основном значении, а в других, потеряв его, выражают лишь грамматическое или дополнительные лексические значения, ср.: *бол* «быть» (*юйде бол* «будь дома»), *ий* «послать» (*атып ий* «выбросить»), *кёр* «видеть, пробовать» (*айтып кёр* «попробовать сказать») и др. Их принято называть служебными глаголами.

Степень десемантизации служебных глаголов не одинакова. Одни из них употребляются главным образом в служебном значении (*бол* «быть», *эт* «делать»), другие – как в служебном, так и в основном значении (*бар*, *тур*, *жибер*, *чыкъ* и др.).

В грамматиках тюркских языков не всегда четко различаются обычная и служебная функция глаголов. Например, глаголы *башла* «начинать, приступать», *бит*, *боша*, *битдир* «кончать, завершать» в грамматиках карачаево-балкарского, казахского, киргизского языков квалифицированы, как служебные глаголы.

Употребление глаголов и послелогов в абсолютном большинстве случаев не имеет формального выражения в пределах самого слова и находится в полной зависимости от его лексико-грамматического значения. В связи с этим оно может быть описано лишь применительно к нему, тем более что синтаксические свойства слова довольно часто носят крайне условный характер (ср. кар.-балк. *ушкок ат*, *джюн тара* в их отношении к русск. *стрелять из ружья*, *чесать шерсть*, где свойство глагола управлять определенным падежом вовсе не вытекает из его лексического содержания) и что к тому же многозначное слово может обладать в одном из своих значений одним конструктивным свойством, в другом – другим (ср. *къара*) 1) «ухаживать, следить, присматривать», 2) «обеспечивать», 3) «считаться с кем-либо»).

Для адекватного определения словообразовательного значения необходимо выявить те свойства, которые позволяют отличить его от лексических и грамматических типов значения. Большинство специалистов в области словообразования такими свойствами считают следующие: 1) ограниченность способа существования словообразовательного значения определенными формальными рамками: оно существует в пределах производного слова, тогда как лексическое и грамматическое значения могут существовать и в непроизводных словах; 2) свойство выступать, маркируя определенный разряд слов. Если лексическое значение характеризует отдельное слово, а грамматическое – слово данной части речи, то

словообразовательное значение присуще всем словам для класса одной и той же группы внутри грамматического класса, т. е. это серийное значение. Одно и то же значение повторяется в серии структурно однотипных производных. Например, в карачаево-балкарском языке глаголы типа *асфальтла* (разг.) «асфальтировать», *цементле* (разг.) «цементировать» имеют словообразовательное значение – «покрывать тем, что указано производной основой». Это говорит о том, что словообразовательное значение может служить показателем тождества значений одного словообразовательного ряда; 3) способность фиксировать обобщенную семантику однотипных производных. Этот признак тесно связан с таким важным свойством словообразовательного значения, которое позволяет говорить о систематизирующей роли этих значений в лексике языка; 4) способность осуществлять классифицирующую или же категоризирующую роль в языке. Это можно объяснить следующим образом. Одни словообразовательные модели служат только для целей транспозиции слова из одной части речи в другую (ср. кар.-балк. *къарт* «старый» (*къарт* адам «старый человек») – *къарт* «старик» (*къарт* кетди – «старик ушел») и др.), другие для экспрессивного и эмоционального словообразования (*ана* «мать» – *анака* «маменька» и др.).

Таким образом, словообразовательное значение выявляется при сопоставлении семантической структуры производных слов с производящими единицами. Например, в кар.-балк. слове *чурукъчу* «сапожник» производящей основой является *чурукъ* «сапог» со значением «*аякъ кийим*» (обувь). Значение производного слова *чурукъчу* – *чурукъ джамаучу* «мастер по ремонту обуви» мотивируется значением непроизводного слова *чурукъ*, т. е. вторичным мотивированным значением.

В значение производного слова входит исходное содержание производящего слова, т. е. при объяснении значений производного слова мы обязательно обращаемся к однокоренному с ним слову. Этого мы не можем делать при истолковании простых, непроизводных слов.

Словообразовательное значение выражается при помощи различных формантов в зависимости от способа словообразования. Например, в рядах словообразовательных пар *сюз* «цедить» – *сюзгюч* «цедилка» и т. п. в процессе словообразования возникает дополнительная семантика «предмет». Все производные от мотивирующих их слов отличаются именно этим компонентом значения. Это словообразовательное значение последовательно выражается аффиксом *-гъыч / -гич*.

Анализ разработки производных слов в общих словарях тюркских языков показывает, что значения довольно многих из них выявлены не посредством ссылки на значения соответствующих первичных основ, а посредством прямого описания; ср. *бандитчилик* «бандитизм» – занятие разбойничьими делами, *бакжачылык* «бахчеводство» – отрасль сельского хозяйства, занимающаяся выращиванием овощных культур (Словарь тюркских языков (СТЯ)), *малайлыкъ* «батрачество» – работа по найму у

частных лиц, *малала* «бороновать» – разровнять камковую почву вспаханного поля (Толковый словарь киргизского языка (ТСКЯ)); *бузармокъ* «бледнеть» – побелеть, как стена, *аблахларча* «глупо, по-дурацки» (Толковый словарь узбекского языка (ТСУЯ)) и др.

Подобные толкования производных слов не могут быть признаны адекватными, ибо они не учитывают лексическое содержание самих производящих слов, в них «скрыта» связь между структурой слова и его семантикой, составляющей основную цель словообразования.

Во второй главе «Типы лексических значений слов и многозначность слова» анализируются система лексических значений слова, а также полисемия и ее типы.

Лексические значения слова различаются по четырем параметрам:

1) по характеру связи их с объективной действительностью, 2) по степени их семантической мотивированности, 3) по степени их лексической сочетаемости и 4) по характеру выполняемых ими назывных функций.

По первому параметру выделяются прямое и переносное значения. Прямое значение отражает предмет прямо, непосредственно, минуя участие других значений того же слова. Переносное же значение отражает предмет не прямо, а косвенно, т.е. при участии других значений того же слова. Ср. *дауур*

- 1) «шум, гам, гвалт, галдеж» – беспорядочный гул голосов, крик, шум;
2) *перен.* «конфликт, ссора, дебош» – столкновение, серьезное разногласие, спор, скандал; *ачы* 1) «горький» – имеющий особый неприятный едкий вкус;
2) *перен.* «горестный, тяжелый» – исполненный тягот, невзгод, горя и др.

По второму параметру значения бывают непроеизводные и производные. Непроеизводное значение не мотивируется, так как оно первоначальное, а производное значение мотивируется первичным значением, поэтому его называют вторичным. Ср. *аш* «еда, пища» и *аша* «есть, кушать», *сой* «резать, забивать (скот)» и *согъум, союм* (осенний) забой скота (для приготовления запаса мяса на зиму)» и др.

По третьему параметру значения бывают свободные и несвободные. Свободные значения имеют место при сочетании относительно широком и независимом, они непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают, а несвободные – при сочетании только с определенными словами. Например, значения слов *кёз* «глаз», *ич* «пить» – свободные: (*уллу, гитче, къара, кёк, ариу, эриши* д.а.к.) *кёз* «(большой, маленький, черный, голубой, красивый, некрасивый и т. п.) глаз», (*айран, чай, суу, от, дарман* д.а.к.) *ич* – «пить (айран, чай, воду, яд, лекарство и т.п.)». Однако слово *кёз* не сочетается со словами *татлы* «сладкий», *ачы* «горький» и т.п., а *ич* – со словами *темир* «железо», *гырджын* «хлеб», *юй* «дом» и т.п. Это свидетельствует о том, что в логически недопустимом контексте свободные значения не выявляются, что свобода лексической сочетаемости слов – понятие не абсолютное, а относительное. Несвободно, например, значение слова *тюнке*, потому что оно сочетается только с глаголом *юзюл* «оторваться»: *тюнкем* (-нг, -си) *юзюлдю* «я (ты, он) обессилел».

В карачаево-балкарском языке значения существительных в абсолютном большинстве случаев проявляют себя в позиции второго компонента изафетной конструкции: 1) *джагъа* «ворот, воротник» (кёлекни, пальтону *джагъасы* «воротник рубашки, пальто») – прямое значение; 2) «берег» (*сууну*, *тенгизни джагъасы* «берег реки, моря») – конструктивно ограниченное значение и др.

По четвертому параметру выделяются собственно номинативные и экспрессивно-синонимические значения. Первые непосредственно направлены на предметы и явления, реально существующие в объективном мире, в котором эмоциональные и экспрессивные элементы могут и отсутствовать, и присутствовать, а в экспрессивно-синонимическом значении основным является эмоционально-оценочный элемент, который выступает на первый план. Слова с экспрессивно-синонимическим значением обычно являются экспрессивными синонимами слов с номинативным значением: *ат* «лошадь» – *мырка* (*пренебр.*) «кляча», *аша* «есть, кушать» – *буштукъла* (*прост.*) «уплетать, уминать, напихать», *жагъынлы* (*балк.*) – *чигили* (*балк. разг.*) «капризный», *юй* «дом» – *гыты* (*балк. разг.*) «хибара» и др.

В разделе, посвященном полисемии, анализируются соотношение значений многозначного слова, способы переноса значений слова и основные причины и условия, способствующие многозначности слов.

Мнения исследователей не совпадают в названии первичного значения многозначного слова. Одни из них называют его *общим значением*. Другие – *главным значением*, третьи – *обобщенным значением*, четвертые – *ведущим значением*, пятые, которых большинство, – *основным значением*, что, на наш взгляд, является адекватным.

Не единодушны лексикологи и в определении сути основного значения многозначного слова. Главным критерием определения этого значения признается и степень употребительности, и объем значения, и базовый характер его. Однако анализ общих словарей тюркских языков, особенно карачаево-балкарского, убеждает нас в том, что ни один из этих критериев не отражает адекватно истинное содержание основного значения слова.

Иногда нелегко бывает различить не только типы значения, но даже варианты одного и того же типа значения, например, не так просто ограничить прямые номинативные значения слова *джагъа* «ворот» от его производно-номинативного значения «берег» (*сууну джагъасы* «берег реки»), потому что в том и другом своих значениях это слово называет предметы. Однако в отличие от прямого номинативного («ворот») производно-номинативное значение («берег») называет предмет не прямо, а через различные сравнения, ассоциации, которые возникают в сознании человека, но называют их более конкретно, чем прямое номинативное значение: ср. *ёре джагъа* «стоячий воротник» и *тенгизни джагъасы* «берег моря». Основное их отличие в том, что производно-номинативное значение более зависимо от контекста, чем прямое номинативное значение.

Некоторые производно-номинативные значения по своей сочетаемости и употребительности приравниваются к прямым номинативным значениям, тогда наступает момент размежевания этих значений, их равновесие, которое превращает их в самостоятельные слова – омонимы: *ай* «луна» и *ай* «месяц», *кюн* «солнце» и *кюн* «день» и др. Объясняется это тем, что сочетаемость их производных значений стала такой же свободной, как и сочетаемость их непродеривированных значений.

Способами образования переносных значений слов, как правило, являются метафора и метонимия. Однако в карачаево-балкарском языке, в отличие от многих языков, в образовании переносных указанных значений заметное место занимают также эвфемизация и табуирование, поэтому их мы возвели в ранг третьего способа образования переносных значений слов.

Проанализированный нами словарный материал показывает, что из всех групп лексики карачаево-балкарского языка легче метафоризируются значения названий частей тела человека (*аууз* «рот, пасть» и «ущелье», *кёз* «ушко (иголки)», «отверстие (в оконной раме для стекла)», *къаш* «бровь» и «лука седла», *бурун* «нос» и «кончик», *тил* «язык» и «язычок» (ботинка, пряжки подпруги» и др.) и слова, важные для жизни общества (*алтын* «золото» и «о ком, о чем-л., отличающемся большим достоинством», *юй* «дом» и «семья, семейство»; *таш* «камень» и «место обитания человека», *джол* «дорога» и «способ, метод» и др.).

Следует различать языковые (узуальные) и индивидуальные (оказиональные) метафоры. Языковые метафоры – это факты языка, результат переноса на основе релевантных и общих признаков сходства. Индивидуальные метафоры – факт речи, результат переноса на основе второстепенных, нерелевантных признаков, они экспрессивны и являются одним из важных изобразительных средств в карачаево-балкарской литературе, особенно поэзии: *джазны тыпыуу* «дыхание весны», *сууукъну ийнелери* «иглы мороза», *отну тили* «язык пламени» и др.

Сходство между предметами и явлениями объективной действительности в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, самое различное, основными из которых являются следующие: 1) сходство местоположения: *аякъ* «нога» и «ножка» (*столну аягъы* «ножка стола»), *баиш* «голова» и «колос» (*будаи баиш* «колос пшеницы»), *къанат* «крыло» и «край» (*джаулукуъну къанаты* «край платка») и др.; 2) сходство формы, внешнего вида: *кёз* «глаз» и «ушко» (*ийнени кёзю* «ушко иголки»), *къулакъ* «ухо» и «ушко» (*чоюнну къулагъы* «ушко котла»), *тил* «язык» и «язычок» (*чурукъну тили* «язычок ботинка» и др.); 3) сходство функций: *къанат* «крыло (птицы)» и «крыло самолета», *кюбюр* «сундук» и «кузов» (*арбаны кюбюрю* «кузов арбы») и др.; 4) сходство характера или поведения: *хайыуан* «скот, скотина» и «глупец, дурак», *келепен* «проказа» и «о зловредном человеке» и др.; 5) сходство эмоциональных восприятий: *тамгъа* «пятно» и «позор», *шапа* «повар, кашевар» и «о раболепном приспешнике, подхалиме» и др.

Метонимические переносы употребляются в языке чаще, чем метафорические. Как и метафорические, они бывают индивидуальные и языковые.

Фактологический материал исследуемого языка свидетельствует о том, что в моделях образования метафор гораздо больше языковых значений, а в моделях метонимических образований – индивидуальных употреблений.

Основными видами языковых метонимических переносов в карачаево-балкарском языке являются следующие: 1) перенос названия с материала на изделия из него: *чоюн* «чугун» и «котел из этого металла», *мюйюз* «рог» и «бокал из рога», *чын* «фарфор» и «пиала» и др.; 2) перенос названия с действия на его результат: *окъуу* «учение» и «учеба», *бояу* «крашение» и «краска», *сюрюу* «выгон, прогон» и «стадо, отара» и др.; 3) перенос названия с орудия на действие, производимое им: *чалкъы* «коса» и «сенокос», *оракъ* «серп» и «жатва, косовица» и др.; перенос названия с действия на средство действия: *джагъыу* «смазка», «втирание» и «мазь», *байлау* «перевязка» и «бинт», «повязка»; перенос названия с одного явления на другое, когда они связаны во времени: *ахшам* «вечер, сумерки» и «еда в это время в период уразы», *ингир* «вечер, вечернее время», «общественное собрание в это время» и др.; перенос названия с отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот: *лексика* «словарный запас» и «наука о словарном составе», *грамматика* «грамматический строй» и «наука о грамматическом строе» и др.

Вопрос об отнесении переноса названий плодов и ягод на само растение в данном языке нуждается в уточнении. Здесь названия растений и их плодов и ягод не совпадают. В названиях плодовых и ягодных растений обязательно присутствуют слова *терек* «дерево» или *кёкен / котур* «куст»: *алма терек* «яблоня», *наныкъ терек* «куст малины», *дугъум кёкен / котур* «куст смородины» и др. При названии же плодов и ягод этих растений «прибавки» *терек*, *кёкен*, *котур* отсутствуют: *алма* «яблоко», *наныкъ* «малина», *дугъум* «смородина». Поэтому плоды, ягоды и растения, на которых они растут, не могут быть названы одними и теми же словами. Следовательно, здесь не приходится говорить о синекдохе. Некоторые лексикологи, не учитывая это обстоятельство, утверждают, что слово *алма* означает «яблоко» и «яблоня», *кертме* «груша» и «грушевое дерево» и т.п., т.е. в таких словах видят перенос названия плода, ягоды на их растения.

Другое дело – названия бахчевых культур, в которых, действительно, имеет место явление синекдохы: *наша* «огурец (плод)» и «растение огурца», *турма* «редис (корень)» и «растение редиса», *чюгюндюр* «свекла (корень)» и «растение свеклы» и др.

Эвфемизация – замена неприличных, нетактичных слов приличными и тактичными нередко приводит к образованию синонимов (*ёл* «умирать» – *аууш*), омонимов (*аууш* «умирать» – *аууш* «перевал») и многозначности (*къозла* «рожать» – *къутул* 1) «спасаться, избавляться», 2) «убегать», 3) «разрешиться»).

К эвфемизмам примыкает и табуирование – запрет на слова по суеверным или каким-либо другим представлениям. Вера карачаевцев и балкарцев в то, что произнесение слова, являющегося названием нехорошего явления, предмета, может вызвать беду, вынудило их переименовать названия некоторых реалий, особенно названий тяжелых и заразных болезней и хищных животных. Например, *эшек гуммос / губус* «рак (болезнь)» заменен словом *атайтмаз* букв. «имя которого нельзя произносить», *кёме* «корь» словом *бюртюк* «зерно», *бёрю* «волк» словом *джанлы* букв. «имеющий душу» и др.

Запрет может быть наложен на слова и по другим соображениям, например, с целью скрывания преступления: слово *джортуул* «набег» заменено словом *кёнчеклик* «отрез на брюки», в результате чего оно приобрело дополнительное значение «набег с целью грабежа, угона скота». Исходя из приведенных фактов, понимание табу только как религиозный запрет представляется нам узким.

Особенностью эвфемизации и табуирования, выявленной на материале карачаево-балкарского языка, является то, что оба эти явления могут сосуществовать в одном слове как его значения: *бюртюк* 1) «зерно», 2) «крупича, частица», 3) табу «корь», 4) табу «ячмень (на глазу)», 5) эвф. «яичко (мужское), семенник» (это значение заменило слово *ташакъ*).

Языковые причины образования многозначности бывают внешние и внутренние. К внешним относится, например, образование переносных значений слов, обусловленное русско-карачаево-балкарским двуязычием. Терминологические значения «прилагательное», «подлежащее», у слов *сыфат* «облик, внешний вид», *башчы* «руководитель, начальник» появились таким образом. Из внутренних причин можно назвать взаимодействие литературного языка с диалектами и его вариантов (карачаевского и балкарского) между собой. Благодаря этому, например, появились значения «возраст» у слова *джыллыкъ* «годовщина» в карачаевском варианте, «радость» у слова *джарыкъ* «свет».

Развитию многозначности слов в данном языке способствуют такие различные условия: 1) отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производящего слова. Например, в синонимической паре слов *кекел* и *чуукал* «чуб» первое не имеет экспрессии и эмоциональной окраски; 2) частота употребления слова, если обозначаемое им понятие актуально. Например, в лексико-семантической группе названий кухонной посуды *аякъ* «чаша, чашка, бокал, чарка», *къашыкъ* «ложка», *чанчхы* «вилка (столовая)», *чолту* «поварешка», *табакъ* «миска, тарелка», стакан, кружка, пиала, переносные значения образует только слово *аякъ*: а) «чаша, чашка», б) «бокал, чарка», в) «тост». Объясняется это актуальностью понятия, обозначаемого словом *аякъ*; 3) нечленимость основы слова с морфологической точки зрения. У слов с производной основой словообразовательных возможностей меньше, чем у слов с непроизводной основой; 4) словообразовательные возможности лексико-семантической группы, к которой относится данное слово. Наличие переносных значений в значительной степени зависит от их

словообразовательных возможностей. Анализируя различные лексико-семантические группы существительных, мы убедились в том, что те из них, которые лишены деривационных потенций, не употребляются и в переносных значениях. Это названия металлов, украшений, напитков, различных блюд, продуктов питания, орудий труда, деревьев, инструментов, тканей и изделий из них, машин, предметов постельной принадлежности, мебели и многие другие.

Наибольшей словообразовательной активностью, следовательно, и возможностью образования многозначности, в карачаево-балкарском языке отличаются следующие лексико-семантические группы: 1) названия степеней родства: *ата* 1. «отец»; 2. *мн. ч.* «предшествующее поколение, предки»; 3. *перен.* «основоположник, родоначальник чего-л.»; 4. обращения детей к отцу; 5. обращения к пожилому мужчине; *джаши* 1. «мальчик»; 2. «юноша, парень»; 3. сын (мужчина по отношению к своим родителям); 4. «сын (страны, Карачая, Балкарии и т.п.)»; 5. «сын (обращение к молодому мужчине)» и др.; 2) названия животных, особенно домашних: *эшек* 1. «осел»; 2. *прост.* «о тупом человеке»; *ит* 1. «собака»; 2. *прост.* «о плохом человеке»; *къадыр* 1. «мул»; 2. *прост.* «об упрямом человеке» и др.; 3) ботаникализмы: *тамыр* 1. «корень»; 2. *анат.* «жила, сосуд»; *джетек* 1. *бот.* «побег, пасынок»; *чирчик* 1. «почка»; 2. *перен.* «потомок»; 4) название частей тела человека: *баи* 1. голова, 2. *перен.* «ум», 3. *перен.* глава, «предводитель» 4. *перен.* «супруг, муж» и т.п. Здесь имеют место оба вида переноса: метафора и метонимия.

Третья глава работы «Разработка значений слов в словарях» включает два раздела. В первом разделе рассматривается разработка лексических значений слов, где особое внимание уделяется производным лексическим значениям, соотношению понятий «значение», «употребление», «оттенок значения» и рубрикации значений многозначных слов.

В большинстве тюркско-русских и толковых словарей тюркских языков отличия между лексико-синтаксическими обусловленными производными и самостоятельными устойчивыми значениями многозначных слов не учитываются.

Переносные значения в большинстве общих словарей выделяются правильно, в словарях же киргизского, казахского, туркменского языков они нередко квалифицируются как прямые.

Образцом лексикографирования обусловленных значений слов представляется (Толковый словарь карачаево-балкарского языка (ТСКБЯ)): *чыкъ* (*нартюх, будай, урлукъ* д.а.к.) *чыкъды* «выйти, дать всходы (о семенах)», 4) *тиш чыкъды* прорезаться (о зубах). Значения довольно многих производных слов в словарях туркменского, узбекского, казахского языков выявлены не посредством ссылки на значения соответствующих первичных основ, а посредством прямого описания: *басмачлык* «разбойничье движение, грабеж, разбой».

При выявлении специфики производных значений слов немаловажное значение имеет выяснение соотношения понятий «значение», «употребление» и «оттенок значения».

Разграничение оттенков значения слова от его самостоятельных значений способствует наиболее правильному определению смысловых границ слова, полному раскрытию его смысловой характеристики в толковых словарях.

Однако в тюркской лексикологии и лексикографии еще не выработаны единые теоретические принципы выделения не только оттенков значения слова, но даже самих его значений. Поэтому разные обусловленные значения приводятся как разные оттенки значения, а оттенки одного и того же значения – как самостоятельные значения.

Как и установление границ между отдельными значениями слова, порядок расположения этих значений в словарной статье является одним из самых важных и трудных вопросов в тюркской лексикографии. Он более удачно решен в Толковом словаре тувинского языка (ТСТЯ) и ТСКБЯ, в которых значения, многозначного слова даются в следующей последовательности: 1) главное значение, 2) обусловленное значение, 3) переносное значение, 4) стилистически окрашенное значение, 5) специальное значение, 6) диалектное значение. Это принцип употребительности значений слова в современном языке.

В словарях, за исключением указанных выше двух, в большинстве случаев значения многозначного слова демонстрируются не по принципу употребительности их в современном языке, не по генетическому принципу, а хаотично.

Анализ общих словарей тюркских языков показывает, что в случаях отсутствия тесной смысловой связи между лексикографируемыми значениями одного и того же слова порядок показа обусловленных значений осуществляется обычно правильно. При наличии же близкой смысловой связи между ведущим и обусловленными значениями, а также между самими обусловленными значениями – порядок расположения обусловленных значений оставляет желать лучшего.

В словарях киргизского, казахского, туркменского и каракалпакского языков переносные значения в большинстве случаев даются без пометы, т.е. как прямые значения, поэтому размещаются неправильно, т.е. не за теми значениями, из которых они развились, а в конце словарной статьи, после всех основных значений.

Служебные глаголы, как и послелог, в ряде словарей (каракалпак. яз.) не регистрируются ни в качестве самостоятельных слов, ни в качестве отдельных их значений. Словари одних языков (киргиз. и казах.) эти глаголы квалифицируют как самостоятельные слова, а других языков (узбек.) – как значения самостоятельных глаголов.

Расходятся общие словари и в разработке степеней сравнения прилагательных. Так, значения прилагательных сравнительной и

превосходной степеней в одних из них (кар.-балк. и татар. языках) однозначно разработаны как грамматические категории (*къап-къара* «совершенно черный» – форма превосходной степени прилагательного *къара* «черный»), в других же (киргиз. и казах. языках) – описательным способом (*алысырак* «дальше» – не совсем близкий), что следует считать отступлением от общих и совершенно разумных правил лексикографической разработки подобных единиц.

Индивидуальные грамматические формы слова, например, супплетивные падежные формы личных и указательных местоимений, в которых производящая основа не совпадает с ее исходным обликом (именительный падеж) (ср. кар.-балк. *бу* «это, этот, эта» – *мынга* «этому, этой, к этому, к этой», татар. *ул* «он, она, оно» – *олар* «они» и др.) в словарях обычно регистрируются как заголовочные, но имеют четкую грамматическую или лексико-грамматическую характеристику: *мынга* «этому, этой, к этому, к этой» – форма дат. пад. местоим. 3-го л. множ. ч., соотносительное с местоим. 3-го л. ед. ч., *ул* «он», в предлож. заменяет лицо, предмет (татар.) и др.

Синтаксически закрепленная конверсия, т.е. употребление существительного в позиции определения в функции прилагательного, учитывается только в словарях азербайджанского, узбекского, татарского, башкирского и карачаево-балкарского языков. Однако их составители придерживаются разных принципов подачи данного типа конверсии: *бобрик* «бобрик» // «бобриковый» (татар.), *киндер* «холст» / в функции прил. «холстинный, холщовый» (башкир.) и др.

Таким образом, лексическое и грамматическое значения не разграничиваются, так как обусловленность конвертированного значения не отражается. Это делается в ТСКБЯ: *къагъыт* 1) «бумага»; 2) «бумажный»; *джюн* 1) «шерсть»; 2) «шерстяной» и др.

Отсутствие единства в понимании сущности служебных имен между лингвистами-тюркологами отразилось и в их лексикографической разработке. Так, в словарях одних тюркских языков форма основного падежа служебных имен квалифицируется как существительное, в других – как служебное имя, в третьих – как наречие: *арт* I сущ. «зад, задняя часть (сторона) чего-л.» (киргиз.), *ал* II сущ. «передняя часть (сторона) чего-л.» (татар.); *къасы* служ. имя «место около чего-л.» (казах.), *асты* нар. низ, нижняя часть чего-л.» (ккалп.) *жаны* нар. «бок, боковая часть чего-л., место около чего-л.» (казах.). В ряде же словарей форма указательного падежа служебных имен квалифицируется тройко: как имя существительное, как служебное имя и как наречие: *асты* сущ., *къасы* служ. имя, *арты* нар. «зад, задняя часть (сторона) чего-л.» (казах.).

Анализ фактов показывает, что служебные имена в большинстве случаев в составе изафетного словосочетания сохраняют свое лексическое значение; в редких случаях могут быть отнесены к послелогам; встречаются словосочетания (второй компонент их – служебное имя), выступающие в роли сложных слов: кар.-балк. *джаз башы* «весна», казах. *сёз басы* «предисловие»

и др. На наш взгляд, словари должны учитывать все эти моменты, и служебные имена надо квалифицировать как отдельный разряд существительных.

В Заключении подведены итоги исследования, сделаны обобщения.

Слово имеет лексическое, грамматическое и словообразовательное значения. Лексическое значение слова – это его соотнесенность с тем или иным явлением объективной действительности, его отношения с лексическими значениями других слов, границы лексической сочетаемости и эмоционально-экспрессивные свойства. Оно включает в себя три компонента: сигнификативный, составляющий совокупность существенных признаков предмета или явления и тесно связанный с денотацией и коннотацией, парадигматический, заключающийся в отношениях слова с лексическими значениями других слов, синтагматический, отражающий его в сочетании с другими словами.

Компоненты лексического значения взаимосвязаны и по-разному характеризуют значение слова: сигнификативный компонент обобщенно отражает объективную действительность, денотативный – конкретную соотнесенность слова с предметом или явлением, коннотативный выражает эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, парадигматический и синтагматический фиксируют место слова в системе лексики.

Характер соотнесения слов с действительностью, выполнение ими назывных функций, степень мотивированности лексической сочетаемости их различны. В зависимости от этого выделяются соответственно следующие типы лексических значений слова: 1) прямое и переносное, 2) номинативное и экспрессивно-синонимическое, 3) непроизводное и производное, 4) свободное и несвободное.

Основным значением слова является значение, наиболее обусловленное парадигматически, наименее – синтагматически.

Способами образования переносных значений слов обычно считаются метафора и метонимия. В карачаево-балкарском языке, в отличие от других тюркских языков, в их образовании заметное место занимают эвфемизация и табуирование, поэтому их мы возвели в ранг третьего способа образования переносных значений слов.

На развитие многозначности слов влияют причины как внеязыковые (принцип экономии, способность человека обобщать в слове явления окружающего нас мира и др.), так и языковые, внешние (напр.: образование переносных значений слов, обусловленное русско-карачаево-балкарским двуязычием) и внутренние (взаимодействие литературного языка и диалекта и его вариантов, в данном случае карачаевского и балкарского), а также различные условия (отсутствие экспрессивной и эмоциональной окраски у производящего слова, частота употребления слова, если обозначаемое понятие актуально, нечленимость основы слов с морфологической точки зрения и др.). Отражение значений слов в общих словарях тюркских языков оставляет желать лучшего: имеют место как излишнее дробление лексических значений, так и отсутствие разграничения действительно различающихся

значений слова, недостаточный учет отличия между синтаксически обусловленными производными и самостоятельными значениями многозначного слова; неразличение лексических и грамматических значений слова, а так же неучет последних, выявление значений производных слов не посредством ссылки на значения соответствующих первичных основ, как это положено, а посредством прямого описания; неразграничение значений слов, их оттенков и употреблений слов; несоблюдение порядка расположения значений слов в словарной статье.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. **Гузеев, Ж.М., Ахматова, Ф.Х.** О сигнификативном компоненте значения слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ж.М. Гузеев, Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 6 (50). – С. 155–158.

2. **Ахматова, Ф.Х.** О соотношении значений многозначного слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – № 1. – С. 45–49.

3. **Ахматова, Ф.Х.** Значения многозначного слова в словарной статье / Ф.Х. Ахматова. – Текст: электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8–1 (50). – С. 13–15.

4. **Ахматова, Ф.Х.** Разграничение значений слова и его оттенков / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 3 (52). – С. 288–290.

5. **Тамбиева, Л.А., Ахматова, Ф.Х.** Новые значения многозначных слов в карачаево-балкарском языке / Л.А. Тамбиева, Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 488–490.

6. **Ахматова, Ф.Х.** Лексико-семантические особенности многозначных слов в карачаево-балкарском языке / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 371–373.

7. **Ахматова, Ф.Х.** Многозначные слова и их значения в карачаево-балкарском языке / Ф.Х. Ахматова. – Текст: электронный // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 387–396.

Публикации в других изданиях:

8. **Ахматова, Ф.Х.** Основные причины и условия способствующие многозначности слов (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки в регионах России: наследие, современные тенденции и проблемы: материалы

Всероссийской научной конференции. Часть 1. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. 2012. – С. 139–143.

9. **Ахматова, Ф.Х.** Словообразовательное значение слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки в регионах России: наследие, современные тенденции и проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. 2012. – С. 143–148.

10. **Ахматова, Ф.Х.** О производном и непроизводном значении слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. У.Б. Алиева (29-30 июня 2012 года). – Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т. 2012. – С. 655.

11. **Ахматова, Ф.Х.** Номинативное и экспрессивно-синонимическое значения (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности. Тезисы докладов III Международной научной конференции (28-29 июня 2012 года). – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2012. – С. 51–53.

12. **Ахматова, Ф.Х.** Об отражении в тюркско-русских словарях управления глаголов и послелогов / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Контенсивная типология естественных языков: материалы III Международной научно-практической конференции лингвистов (23-24 мая 2012 года). – Махачкала: Дагестанский гос. ун-т. 2012. – С. 141–143.

13. **Ахматова, Ф.Х.** О служебных именах в тюркских языках / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Контенсивная типология естественных языков: материалы III Международной научно-практической конференции лингвистов (23-24 мая 2012 года). – Махачкала: Дагестанский гос. ун-т. 2012. – С. 168–169.

14. **Ахматова, Ф.Х.** Эвфемизация и табуирование (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию проф. К.Е. Гагкаева (15–16 ноября 2013 года). – Владикавказ: Северо-Осетинского гос. ун-т. им. К.Л. Хетагурова. 2013. – С. 39–40.

15. **Ахматова, Ф.Х.** Соотношение понятий «значение», «употребление», «оттенок значения» (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания языков: материалы Международной научно-практической конференции. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. 2013. – С. 223–228.

16. **Ахматова, Ф.Х.** Разработка грамматических значений слов (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Вопросы кавказского языкознания: материалы научно-практической

конференции с международным участием памяти М.Е. Алексеева и С.В. Кодзасова – Махачкала: Дагестанский гос. ун-т. 2015. – № 1. – С. 39–45.

17. **Ахматова, Ф.Х.** Словообразовательная активность в карачаево-балкарском языке / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2015. – С. 138–143.

18. **Ахматова, Ф.Х.** Специфика производных значений слова / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Традиции и инновации в системе образования: материалы XIV Международной научно-практической конференции (25–27 июня 2018 года). – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева. 2018. – С. 63–71.

19. **Ахматова, Ф.Х.** Интерпретация значений многозначных слов в карачаево-балкарском языке / Ф.Х. Ахматова. – Текст: непосредственный // Традиции и инновации в системе образования: сборник статей. Выпуск XIX. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. 2020. – С. 41–47.

20. **Ахматова, Ф.Х.** О понятии семантической структуры многозначного слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф.Х. Ахматова. – Текст: электронный // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (10–11 июня 2024 года). – Пенза: ПГАУ. 2024. – С. 14–17.

21. **Ахматова, Ф.Х.** Лексико-семантические группы слов в карачаево-балкарском языке / Ф.Х. Ахматова. – Текст: электронный // Филологический аспект: международный научно-практический журнал – Нижний Новгород: Науч.-издательский центр «Открытое небо». 2024. – № 7. (111). – С. 27–31.

Подписано в печать 09.04.2025 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Печать ризографная.

Усл. п. л. 1. Уч.-изд. л. 1. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ

367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64

Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164

www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru